

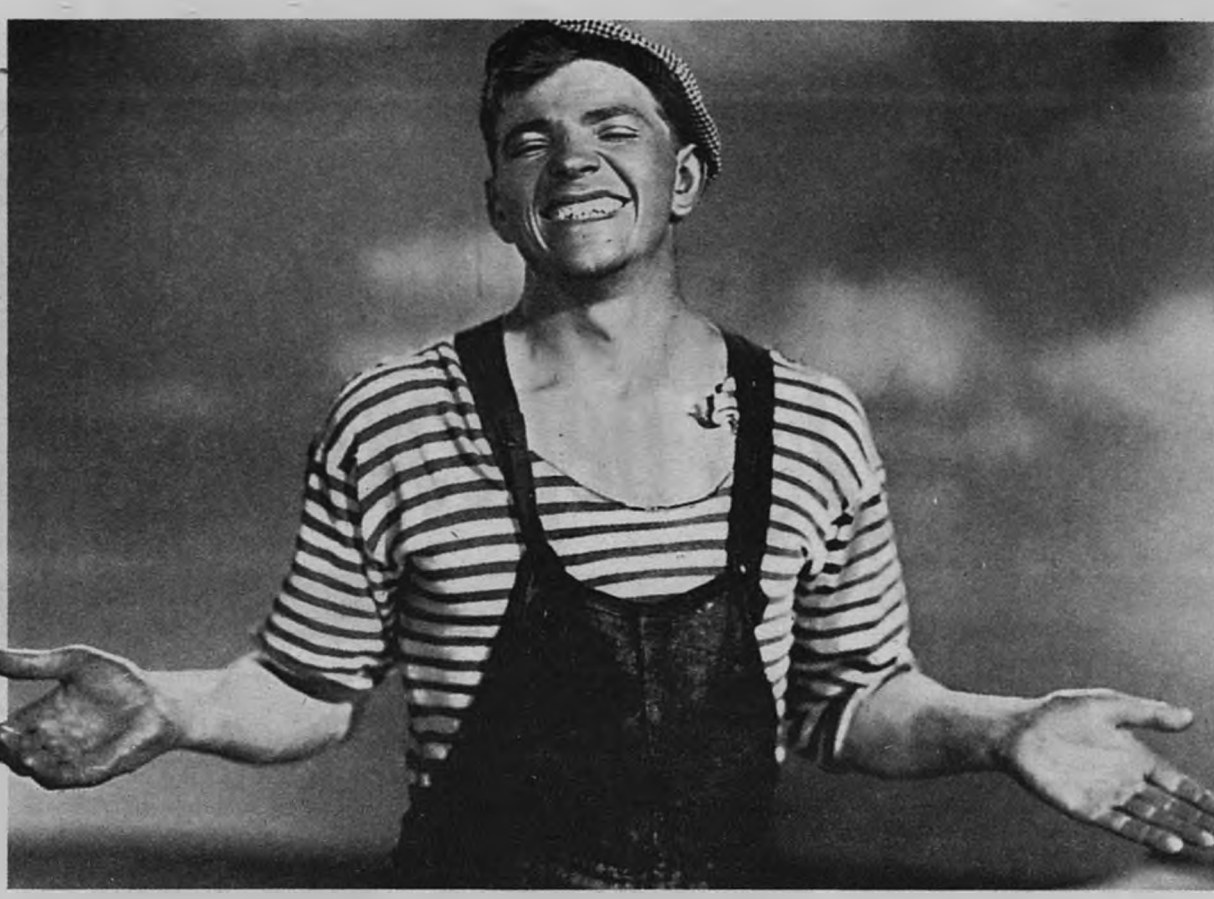
25.10.2000.

Алейников Петр Мартынович

Кумиры Сударушка. - 2000.
25 окт. - с. 14.

Без званий, но воистину народный

Однажды летом 1930 года в Ленинградском институте сценических искусств на Моховой улице появился невысокий парнишка лет шестнадцати в поношенной красной футболке. Его привели на второй этаж в мастерскую режиссера Сергея Герасимова. Слегка запинаясь и смешно растягивая слова, он церемонно сказал: «Будем знакомы. Петр Мартынович Алейников... У нас в деревне почти все Алейниковы... Хочу стать артистом».

Герасимов впоследствии говорил, что юноша привлек его смекалкой, неповторимым обаянием и «постоянным движением мысли, жившей в глазах, губах, руках». Актриса Тамара Макарова, сидевшая рядом с режиссером, вспоминала: «Особенно был великолепен взгляд Пети, точнее взор. На вас смотрели выразительные серо-зеленые глаза, в которых притаились и грусть, и нежность, и доброта, и озорная усмешка».

Юный визитер был родом из села Кричев Могилевской области, жил в большой батрацкой семье, а с десяти лет оказался «в людях», даже нянчил чужих детей. Потом были три года бродячей беспризорной жизни, колония для трудно-воспитуемых и, наконец, дом-коммуна в Могилеве, где у него появилась возможность учиться и поступить в драмкружок.

Петр Алейников был принят на кинофакультет, в мастерскую Сергея Герасимова. Во время учебы он уже снимался в эпизодических ролях в картинах Ф. Эрмлера «Крестьяне», «Встречный» и С. Герасимова «Люблю ли тебя». Сокурсник Петра, знаменитый актер Георгий Жженов, сказал мне: «Мы закончили институт в 1935 году. И уже тогда в Алейникове чувствовался Богом данный талант».

В 1936 году на экраны страны вышла картина Герасимова «Семеро смелых», где Алейников сыграл свою первую большую роль юного романтика Молибоды, пробравшегося зайцем в экспедицию. Сценаристы под напором фантазии и обаяния Алейникова придумали для него в процессе съемок новые и интересные сцены. С удивительной достоверностью молодой артист изобразил на экране живого, нескладного, эмоционального мальчишку, мечтающего стать героем-полярником. В следующем фильме Герасимова «Комсомольск» он сыграл самого себя, его персонажа звали Петром Алейниковым.

После выхода фильмов «Трактористы» Ивана Пырьева (1939 г.) и «Большая жизнь» Леонида Лукова (1940 г.) Петр Алейников становится кумиром миллионов кинозрителей, вокруг его имени возникает ореол небывалой доселе актерской популярности. В его ленинградской квартире накапливаются горы писем от зрителей, мальчишки распевают на улицах «Здравствуй, моя милая, я тебя дождался», копируют танец Савки из «Трактористов». После выхода «Большой жизни» народ любовно окрестил артиста Ваней Курским по имени его героя-шахтера. Помню, как публика редела от восторга, когда Алейников, выступая перед зрителями на клубной сцене, сказал с типичными интонациями Вани Курского: «А мне весь этот шум и аглодисменты ни к чему».

В восприятии миллионов кинозрителей Алейников был главным и самобытным творцом образа уникального человека из народа — веселого и лукавого балагура, статного, красивого парня с добрым сердцем, неповторимым говорком и широкой лучезарной улыбкой. Это был своеобразный киновариант Василия Теркина — добродушного, веселого, обаятельного героя «себе на уме», с хитроватой усмешкой, презрением к чиновникам, халугам и трускам.

С некоторой боязнью приступил он к работе над ролью Пушкина в ленте Л. Арнштама «Глинка» (1947 г.). Образ поэта получился у него весьма нетрадиционным. Многие пришли в восторг, увидев эlegantного, пластичного, эмоционального Пушкина, но для массового зрителя Алейников остался Ваней Курским... в образе великого поэта. Предвидя такую реакцию зрительного зала, артист попросил А. Арнштама снять свою фамилию из титров картины. Режиссер просьбу не выполнил,

и произошло то, чего опасался артист. Алейников воспринял эту роль как свою неудачу.

Положительные герои в исполнении Алейникова были не идеальны. Но они выгодно отличались от твердолобых и нетерпимых пролетарских персонажей, прямолинейных фанатиков — борцов за «светлое будущее», обильно населявших

кино 30 — 40-х годов. Артист очень тонко, даже если его герой был во хмелю, демонстрировал независимость, юмор, озорство, не боялся иронических интонаций. И Савка, и Ваня Курский, и Иванушка-дурачок, и лейтенант Стрельцов («Небо Москвы») воплотили в себе природное, Богом данное обаяние Алейникова, его умение соединить в характере героя браваду и стеснительность, мудрость и бездумность, способность говорить открыто, честно и прикидываться наивным простачком.

Всего Петр Алейников сыграл около сорока ролей. Но яркая индивидуальность артиста не могла широко и свободно проявиться в тисках тоталитарного кино, в рамках надуманной драматургии. На съемочной площадке П. Алейников был принципиален, старался избегать фальши и мог сказать режиссеру или плохому партнеру все, что он о нем думает.

Кинорежиссер Юлий Райзман вспоминал, что его привлекло в Алейникове «национальное очарование и умение быть

самим собой». Эти слова напомнили мне короткий монолог замечательного артиста Николая Крюкова, который я услышал от него лет десять назад: «Говорят, как артист я чего-то стою, но перед другом своим, Петей Алейниковым, бедолагой, но большим артистом, всегда благоговел и даже думал порой: «Куда мне до него?» Своими глазами он смотрел

Алейников и Борис Андреев, сильно подвыпившие в гостях, возвращались в киевскую гостиницу. Но по ошибке зашли в мебельный магазин на Крещатике, куда их впустил сердобольный сторож. Подгулявшие визитеры завалились на двухспальные кровати с дорогими кружевами, стоявшие прямо перед витриной. Рано утром безмятежно спавших актеров увидели с улицы первые пешеходы.

Алейников искренне любил своих друзей, не избегал и попавших в беду. В 1954 году он встретил на Арбате Татьяну Окуневскую, недавно освобожденную из сталинских лагерей. Они подружились еще во время совместной работы на картине «Александр Пархоменко». «Радости Пети не было предела, — рассказывает актриса. — Он обнял меня, расцеловал, повел в ближайшую шашлычную, заказал лучшие блюда, дорогое вино. Сам не ел, а все расспрашивал, как жила в лагере, кто донос на меня...»

В сущности, Алейников был человек непрактичный, внутренне не защищенный, поддавался дурным влияниям, но никогда не хулиганил, не думал о званиях и карьере, не мог промолчать, если при нем кого-то унижали. Его талант, как изысканный уникальный цвет, требовал ухода и творческого понимания. Однако с таким подходом к себе артист встречался редко, а кинематографические чиновники и партноменклатура отворачивались от него.

Особенно плохо он почувствовал себя в августе 1946 года после разгрома второй серии «Большой жизни» Л. Лукова. Его герой Ваня Курский не понравился «вождю всех народов». Сталин, любивший в жизни и хорошее вино, и хмельные застолья, не терпел пьянства на экране. На обсуждении фильма А. Жданов с негодованием сказал: «Дело дошло до того, что одного партизана (Ваню Курского) невозможно было разбудить иначе, кроме как чокнувшись стаканами», а Сталин добавил: «Даже старика сплюли». О самом Алейникове вождь высказался так: «Арти-

сты Андреев и Алейников неплохо играют, но они играют не тех людей». С сожалением, и в жизни артист злоупотреблял спиртным. Годы скитаний, беспризорничества, обитание в подворотнях, колонии оставили негативный след. Алейников любил застолья, имел привычку к веселью «сильными выражениями», был не сдержан в проявлении эмоций, о чем часто сожалел впоследствии. «Бывало, — рассказывала актриса Лидия Смирнова, — Алейников на съемках переливал водку в бутылку с наклейкой «Боржоми» и потихоньку прикладывался к ней».

В Петре Мартыновиче не угасало озорство, и порой он утверждал себя с помощью легкой и странной бравады, устраи-

вая людям «проверки» на широту души и порядочность в собственном понимании. Артист Павел Винник рассказал мне такую историю: воздушный лайнер, на котором артисты кино возвращались из Донецка в Москву, долго не вылетал. Экипаж ожидал прибытия космонавта Германа Титова. Когда именитый пассажир прибыл, Алейников спросил его: «Ты кто?» — «Я? Герман Титов!» — «А водка у тебя есть?» — «Нет!» — «Тогда ты не Герман Титов, а г...» Титов молча направился в свой отсек. Самолет взлетел, вскоре рядом с Алейниковым появился сам космонавт и произнес: «Извините, Петр Мартынович». А за ним возникла стюардесса с водкой и закусками на широком подносе. «Ну теперь я вижу, что ты Титов», — резюмировал Алейников, но к водке не притронулся.

Алейникова, не имевшего никаких званий и наград, не приглашали ни на какие встречи в верхах. С начала 50-х годов за ним закрепилась репутация бесшабашного гуляки, ресторанный дебошира. Этому способствовало его частое появление в нетрезвом виде как на съемках, так и на концертах. К сожалению, стремление очень многих зрителей выпить с ним артист принимал за проявление всенародной любви. Популярный комедийный актер К. Сорокин всегда отказывался пить со своими поклонниками и говорил с явным намеком на Алейникова: «Нет... Нет... Уже одного актера погубили благодарные зрители».

Тяга Алейникова к алкоголю обострялась: он обижался на чиновников, отменявших его кинопробы, и тяжело переживал длительные простои в работе.

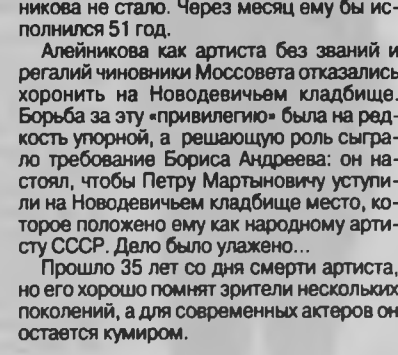
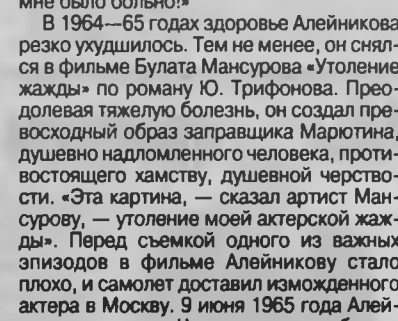
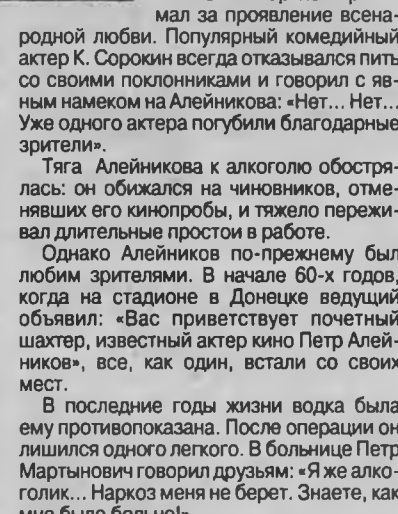
Однако Алейников по-прежнему был любим зрителями. В начале 60-х годов, когда на стадионе в Донецке ведущий объявил: «Вас приветствует почетный шахтер, известный актер кино Петр Алейников», все, как один, встали со своих мест.

В последние годы жизни водка была ему противопоказана. После операции он лишился одного легкого. В больнице Петр Мартынович говорил друзьям: «Я же алкоголик... Наркоз меня не берет. Знаете, как мне было больно!»

В 1964—65 годах здоровье Алейникова резко ухудшилось. Тем не менее, он снялся в фильме Булата Мансурова «Утоление жажды» по роману Ю. Трифонова. Преодолевая тяжелую болезнь, он создал превосходный образ заправщика Марютина, душевно надломленного человека, противостоящего хамству, душевной черствости. «Эта картина, — сказал артист Мансуров, — утоление моей актерской жажды». Перед съемкой одного из важных эпизодов в фильме Алейникову стало плохо, и самолет доставил изможденного актера в Москву. 9 июня 1965 года Алейников не встал. Через месяц ему бы исполнился 51 год.

Алейникова как артиста без званий и регалий чиновники Моссовета отказались хоронить на Новодевичьем кладбище. Борьба за эту «привилегию» была на редкость упорной, а решающую роль сыграло требование Бориса Андреева: он настаивал, чтобы Петру Мартыновичу уступили на Новодевичьем кладбище место, которое положено ему как народному артисту СССР. Дело было улажено...

Прошло 35 лет со дня смерти артиста, но его хорошо помнят зрители нескольких поколений, а для современных актеров он остается кумиром.

Аркадий БЕРНШТЕЙН